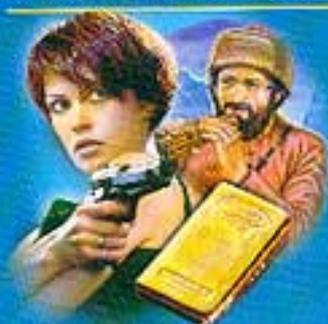

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Шкура неубитого
медведя*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
ЕО

2003

Марина С. Серова
Отпущение грехов
Серия «Телохранитель Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167176
Шкура неубитого медведя. Отпущение грехов: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-08339-1*

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Шкура неубитого медведя

Пролог

– Спиридон, да ты че, тля, гонишь? Ольха давно должен был приехать.

– Нету его, я сказал. Совсем, чо ли, за баклана держишь? Че я тебе – порожняк, чо ли, метать буду? Нету Ольхи, базарю. Должен вот-вот подрулить.

– А ты, смотрю, время зря не теряешь...

Этот замечательный диалог происходил на бортике бассейна между двоими рослыми молодыми людьми характерной бойцовской внешности. Один из них, в плавках, с мокрыми после купания волосами, целеустремленно лапал блаженно жмурящуюся девицу в одних трусиках и одновременно пил пиво и отбrehивался от второго парня, в строгом костюме и белой рубашке, который только что подошел.

Этот второй был куда мрачнее первого, и не потому, что на его долю не хватило «телки», а из-за отсутствия шефа, что должен был уже подъехать в спорткомплекс, но где-то задерживался.

– Да отлепись ты от этой шмары! – не выдержал он, увидев, что Спиридон в совсем уж игривом настроении снова занялся девушкой. – Щас Ольха нарисуетса, он тебе, козлу, покажет, как в рабочее время...

Он осекся, не договорив фразы до конца, потому что увидел идущего по бортику мрачного мужчину лет около сорока в легком мятом пальто и с сотовиком в руке, который он в данный момент приложил к уху.

За мужчиной с телефоном шел здоровенный верзила, по всей видимости, личный телохранитель.

Спиридон оттолкнул мурлычущую девицу и стал быстро одеваться под саркастическим взглядом угрюмого собеседника.

Мужчина в пальто закончил разговор и с каменным лицом приблизился к дуэту амбалов. Девица опрометью шмыгнула в душевую.

– Спиридонов и ты, Остап, – проговорил он ровным голосом, – у нас проблемы. Быстро одевайтесь и в машину.

– А что случилось? – заикнулся было Спиридон, но тут же умолк под ледяным взглядом босса.

– Звонили заказчики. От Арийца. Сказали, что будут в городе через четыре дня. Привезут деньги и возьмут большую партию.

– Ну и что?

– А то, бубен, что Очкарика мусора загребли, так что теперь он мирно сидит в КПЗ и ждет суда.

– Что, по этому делу?

– Да нет, не по этому. Че-то там за взятки. Вроде как светит ему максимум трояк. Но нам что трояк, что условняк, что вообще освобождение прямо в зале суда: время-то уйдет, а Ариец за кидняк пулей в лоб мигом подпишет отпущение грехов.

Спиридон тупо пожевал губами. Ольха продолжал:

– Так что надо быстро рулить, че к чему... Спиридон, что это у тебя штаны на заднице в каком-то отстое? Перепугался, что ль, сильно?

– В-в-в... подумаешь...

– Как однажды сказал Ариец, – назидательно произнес босс, – в человеке все должно быть прекрасно: и авто, и «мобила», и прикид, и контрольный выстрел в голову.

Спиридон довольно тупо заржал, а мрачный его коллега Остап только кисло осклабился, давая понять, что лично он в изречении Арийца не находит ничего смешного – особенно в заключительной части...

Глава 1

Два явления героя

В тот день тетя Мила была в особенно дурном настроении. Как говорится, все смешалось в доме Охотниковых – включая крахмал и муку, которые тетя в пароксизме достаточно несвойственной ей рассеянности попеременно сыпала в стиральную машину – вероятно, наивно полагая, что это неслыханно мелкогранулированный стиральный порошок.

А началось с того, что тетя уронила свежеприобретенное детективное чтиво, до коего она, как известно, большая охотница, в тазик с вареньем.

– Ну вот, – горевала она. – Даже название прочесть не успела. Тридцать рублей выбросила на ветер!..

Ее лицо выразило такую вселенскую скорбь, что я, обычно не слишком терпимая к тетушкиным пристрастиям в вопросах чтения, выудила книжку из тазика и, смыв варенье, глянула на обложку.

– Н-да-а-а... – протянула я. – И название, надо сказать, как раз в точку... «Героиновое варенье». Судя по всему, тупость просто апокалиптическая. Интересно взглянуть на человека, который фабрикует подобные опусы.

– Что, отработала бы на несчастном парочку своих залежалых приемов? – поморщилась тетушка и тут же, споткнувшись через недавно заведенного кота (который с редкой самоотверженностью путался в ногах), бухнула только что выстиранную блузку все в тот же злополучный тазик.

Тут настроение ее испортилось окончательно.

– Лучше бы ты, Женечка, погуляла, что ли, с этим паразитом, – простонала она. – А то ходит тут как неприкаянный, одни убытки от него.

– С котами не гуляют, – возразила я. – Он же не собака.

– А недавно зашла ко мне Олимпиада Кирилловна, – продолжала тетя Мила, проигнорировав и мою реплику, и собственную несколько раньше высказанную мысль, – хотела уточнить что-то там насчет своего племянника, которого, кажется, опять собираются выгонять из института... так вот, этот тунеядец вцепился ей в ногу и прокусил насквозь... чулок.

– Кто – племянник?

– Какой еще племянник? – Она строго посмотрела на меня поверх очков и скептически поджала губы. – Кот, конечно. Разве племянник может кусать за ноги?

Я едва удержала саркастический смешок и поспешно ушла в свою комнату, ощущая на себе недоуменный и определенно неодобрительный взгляд моей милой родственницы: вероятно, она подумала, что я смеюсь над ней и ее злоключениями с котом, тазиком и нетленным бестселлером «Героиновое варенье».

...Нет, короткий, но достаточно выразительный смех, который все-таки вырвался у меня уже после того, как я прикрыла дверь своей комнаты, был вызван вовсе не тетушкой. Вернее, не тем, что касалось последних недоразумений с котом и детективом, а всего лишь одной фразой тети Милы – самой последней: «Разве племянник может кусать за ноги?»

...Может. Человек, о котором она вспомнила, и не на такое способен. Дело в том, что племянник нашей соседки, Олимпиады Кирилловны Докукиной, был самым нелепым, незадачливым и смехотворным человеком, какого только возможно себе представить. Да и то – представить подобное мог лишь тот, кто обладает чрезвычайно богатым, можно сказать, феерическим воображением.

Николая Докукина я знала уже три года. Нельзя сказать, что совершенно ему не симпатизировала, нет, это было забавное и безобидное существо – но тем не менее мое отно-

шение к этому молодому человеку зиждилось в основном на ироничной снисходительности и изрядной доле здорового юмора, с помощью которого только и можно было переносить наличие под боком такого в своем роде чудовищного субъекта, как милейший Николай Николаевич.

Упомянув о том занимательном факте, что тетя сыпала муку и пищевой крахмал в стиральную машину, я подчеркнула: такое случалось с ней крайне редко.

Докукин же сплошь и рядом выдавал такие перлы рассеянности, наивной халатности и детски-недоуменного отношения к жизни, коих хватало бы на десять Жаков Паганелей. Последний же, как то известно из Жюль Верна, перепутал теплоход с малотоннажной паровой яхтой, в результате чего вместо Индии отправился в Чили, где пунктуально изучил португальский язык вместо испанского.

Все это были невинные недоразумения по сравнению с теми переплетами, в которые то и дело попадал Николай Николаевич Докукин.

То он проваливался в канализацию и, протацившись по ассенизационным стокам едва ли не полкилометра, падал в Волгу. То садился не на тот поезд и благополучно засыпал на третьей полке, вообще-то предназначенной для багажа, и, не замеченный таким образом контролерами, просыпался черт знает где, после чего долго разбирался, куда его занесло. То выпивал двести граммов водки (а надо сказать, что он совершенно не умел пить) и попадал в вытрезвитель, где начинал ратовать за права индейцев Северной Америки и китайцев-рикш, в результате чего получал несколько ударов по почкам. То его задерживали сотрудники УБОПа по подозрению в принадлежности к преступной группировке, промышленяющей угонном машин, причем ему инкриминировали техническое исполнение этих угонов: демонтаж сигнализации, блокираторов, мультилоков и прочих хитромудрых штучек и так далее. А этот человек не то что сигнализацию вырубить – он вообще постоянно забывал, как включить двигатель, и коронным приемом в его вождении было филигранное вписывание в бордюр, столб или мусорный контейнер, непременно до отказа заполненный зловонными отбросами.

Но последнее его приключение затмило все предыдущие.

Коле Докукину повезло.

Коле Докукину повезло в кои-то веки – впервые с тех пор, как в далеком детстве он сфабриковал взрывное устройство, которое упорно смывал в унитаз после того, как ряд попыток подорвать трамвай или поезд самопальной миной успехом не увенчались: взрывчатка не взрывалась!

В конце концов устройство все же сработало – в тот момент, когда его создатель уже потерял на это надежду. Унитаз разлетелся вдребезги, а двенадцатилетний Коля Докукин просто чудом избежал смерти от прямого попадания увесистых и острых осколков.

И вот – четырнадцать лет спустя ему повезло снова. Причем весьма крупно: он выиграл в лотерею больше миллиона рублей. Или больше двух миллионов – я так и не успела узнать точную цифру.

И вот в связи с чем.

Ранним воскресным утром, когда я, по обыкновению, нежилась в постели, предполагая таким образом проводить время часов до двенадцати дня, раздался звонок. Нет, даже не телефонный, хотя и это было бы для меня целым стихийным бедствием – особенно если учесть, что тетя Мила уехала погостить к одной старинной подруге.

Звонок был в дверь: кто-то пожаловал с возмутительно ранним визитом.

Я повернулась на другой бок и попыталась вообразить, что этот звонок всего лишь обрывок нелепого сна. Мне это почти уже удалось, когда он прозвучал снова. Потом еще и еще.

Кто-то определенно горел нешуточным желанием лицезреть госпожу Охотникову Евгению Максимовну. То бишь меня.

Такая настойчивость рано или поздно должна быть вознаграждена – хотя бы из соображений собственного спокойствия. Кому приятно слушать трезвон на протяжении нескольких минут? Тем более, что это мог быть особо нетерпеливый клиент, которому буквально позарез требовались услуги высококлассного телохранителя или, боже упаси, детектива, которым мне нередко приходилось работать.

Простонав короткое, но в высшей степени содержательное ругательство, я накинула халат и, мазнув сонным взглядом по огромному зеркалу в прихожей, постаралась придать своему лицу выражение максимальной бодрости и свежести.

Поколебавшись, я открыла дверь.

И тут же замерла в потрясении.

Первое, что я увидела, был просто чудовищный по размеру букет алых роз. Правда, стоит заметить, что розы были несколько вялые, и, по всей видимости, их всучил раннему визитеру какой-то ушлый продавец, вознамерившийся впарить подувядший просроченный товар особо тупому покупателю. И это удалось.

Самого гостя не было видно до тех пор, пока букет не дернулся в сторону и половина его с легким издевательским шелестом не осыпалась на пол.

Моим глазам открылось лицо человека, от которого я меньше всего могла ожидать цветов. Тем более роз, пусть даже и слегка некондиционных.

Это был маленький, низенький, бесформенный мужичонка с нелепо торчащими во все стороны редкими волосами и простеньким личиком неотесанного деревенского увальня, которого неизвестно зачем угораздило дорваться до города. С этого-то личика смотрели подслеповатые водянисто-голубенькие глазки за стеклами круглых очков, широко, по-детски раскрытые и периодически выдающие серии конвульсивных частых-частых морганий. Непомерно длинный, горбатый, изрядно скошенный набок нос с шевелящимися ноздрями крутился во все стороны, отчего его счастливый обладатель сильно смахивал на обнюхивающую углы и стены крысу.

На затылке этого писаного красавца лихо – а-ля «собака на заборе» – сидел котелкообразный головной убор, вероятно, скопированный со шлема преславного идальго Дон Кихота Ламанчского.

Ко всему прочему в тот момент, когда я открыла дверь и остолбенело уставилась на почтившее меня визитом чудо в перьях, «чудо» втянуло ноздрями аромат роз и чихнуло так, что остаток букета рухнул прямо к моим ногам, а очки соскочили на кончик носа нежданного гостя.

– Будь здоров, Коля, – произнесла я. – Чего это ты в такую рань? И розы... это что, мне?

– Т-тебе, – отозвался тот и начал подбирать их с пола. Потом меланхолично сунул их мне и, пробормотав под нос что-то маловразумительное, буквально ввалился в прихожую, пребольно отдавив мне левую ногу. Правда, тотчас же он исправил свою оплошность, отдавив вдобавок и правую.

– Ох! – воскликнула я, сжимая обеими руками благоухающее нагромождение цветов, и попятилась. – Ты, Коля? Что-то... случилось?

– Ага! – гордо произнес он и, сняв свой чудный котелок, пригладил ладонью затылок. По всей видимости, Николай долго причесывал и прилизывал свои непослушные белесосерые волосы, но на макушке тем не менее непокорно топорщился фрондирующий вихор, а челка представляла собой нечто до плачевности смахивающее на старую щетку. – Случилось! Разве... разве ты не видишь?

И, не давая мне опомниться, тут же вывалил на меня сообщение о своем счастливом выигрыше. Пока он вещал, я пристально рассматривала его оказавшуюся совершенно новой одежду (а надо упомянуть, что до этого г-н Докукин несколько лет ходил в одном и том же сереньком плаще и брюках времен развитого социализма).

На сей раз он был в новом костюме-тройке, который несколько мешковато сидел на его нескладной фигуре, но тем не менее выглядел довольно сносно. Да и легкое пальто, которое он нахлобучил на вешалку так, что та едва не рухнула, было довольно приличным и, по всей видимости, не самым дешевым.

– Ну и ну, – подвела я итог его рассказу. – Это ты неплохо устроился. А ко мне что – похвастать явился?

– Не только. – Он улыбнулся с загадочно-нахальным видом и сделал значительное лицо. Впрочем, на его физиономии важная мина смотрелась довольно смехотворно, и я еле сдержала смех.

– Хороший костюм, – не найдя ничего лучше, произнесла я. – Хороший...

И тут Коля, не дожидаясь, пока я закончу свою в высшей степени содержательную мысль, выписал такой словесный пируэт в сочетании с рядом телодвижений, что мне едва не стало дурно. По крайней мере, дар речи я утратила на минуту, как минимум.

Он встал передо мной на одно колено, при этом вляпавшись в грязную лужицу, натекающую с его собственных ботинок, и торжественно – его крысиная мордочка приобрела прямо-таки апокалиптическую важность – произнес:

– Евгения Василь... в-в-в... Евгения Максимовна, я долго, очень долго... со вчерашнего вечера размышлял над этим решением и наконец... уф-ф-ф!.. и наконец пришел к выводу, что этого... такого... одним словом, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж! – выпалил он и, в высшей степени довольный тем, что ему удалось-таки произнести сакраментальную фразу, уставился на меня прищуренными – и без того не самыми большими! – подслеповатыми глазками.

Пораженная оказанной мне великой честью, я оперлась на стену и некоторое время бессмысленно смотрела на скромно ухмыляющуюся докукинскую физиономию. Когда же ко мне вернулся дар речи, первое, что удалось вытащить из себя, было растеряннo-неопределенное:

– М-м-м... эта-а... спасибо, Коля, только... а чего это ты вдруг?

И тут это чудо природы, не сходя с места, все с тем же довольно-застенчивым видом выложило мне историю про то, как преславная тетушка Олимпиада Кирилловна говорила обо мне с моей тетушкой Милой. Обе они пришли к уничтожающему выводу, что я, как говорится, засиделась в девках и что пора бы такой интересной, красивой и не самой глупой молодой женщине найти достойного мужчину, чтобы он, как говорилось в старину, «составил мое счастье».

Во всех этих разговорах не было ничего кардинально нового, только свидетелем одного из них стал господин Докукин. Он принял выкладки дражайших тетушек близко к сердцу, и, перебрав историю наших отношений и придя к выводу, что к многим людям я отношусь куда хуже, Николай Николаич решил таким прекрасным принцем на белом коне ввалиться в мою квартиру с утреча и огорошить неожиданными идеями и огромным букетом цветов.

– Та-а-к, – протянула я, дослушав его рассказ. – Ну что ты толчешься в дверях? Проходи уж... жених!

Мои слова изрядно порадовали почтенного Докукина. Впрочем, порадовали – сказано мягко. Он буквально накинулся на меня с неловкими объятиями, чмокнул куда-то в ухо и, едва не навернувшись все через того же многострадального кота, рухнул в кресло.

Я присела напротив.

– Я, конечно, понимаю, что все это несколько неожиданно...

Несколько неожиданно! Какая детская непосредственность! Да это не просто неожиданно... это... это как снег – с обледеневшей сосулиной и лопатой чистильщика крыш в придачу – на голову!!

– ...несколько неожиданно... да и профессор Клинский Сергей Сергеевич говорил... но все-таки раньше никогда... потому что... сейчас, в общем, я хотел сказать, что сейчас я как-то больше соответствую. Кстати, я купил себе машину и теперь вот... без общественного транспорта.

– Ты нормально доехал? – услышав о машине, на полном серьезе поинтересовалась я – водительские качества Докукина были мне прекрасно известны.

– Да, конечно! – воскликнул он. – Конечно! Разве на такой машине можно куда-то врезаться?!

– А какая марка? – без особого энтузиазма спросила я.

Коля быстро-быстро заморгал короткими ресничками, и его глаза стали похожи на коровьи.

– Не помню, – пробормотал он, – в-в-в... этот... как его...

Он покрутил в воздухе пальцем, в результате чего тетушкина любимая ваза свалилась на пол – к счастью, не разбилась, а лишь придавила хвост коту. Тот взвыл неимоверно фальшивым дискантом и убежал в соседнюю комнату, а Докукин, по всей видимости и не заметив этих взаимосвязанных эксцессов, вдруг радостно воскликнул:

– Вспомнил... этот... «Хендэй»!

– Недурно, – сказала я. – А какого цвета?

– Белого... погоди, – он взглянул на меня откровенно подозрительными глазами, – а что это ты ничего не отвечаешь по главному вопросу?

– Како... а, ну да, – нехотя выговорила я. – Ну да, конечно.

И, придав своему голосу как можно больше проникновенности, мягкости и сочувствия, заговорила:

– Ты понимаешь, Коля, это было настолько неожиданно и спонтанно, что я...

– А-а, тебе надо подумать? – радостно вклинился он в мою ответную речь и взмахнул рукой, отчего едва не разбил стеклянную поверхность изящного журнального столика.

Я с легкой досадой улыбнулась:

– Не перебивай. Так вот, Коля... я рада, что ты так хорошо и искренне ко мне относишься, но, понимаешь – дело не в том, купил ли ты себе новый костюм и машину, выиграл ли миллион, или сколько там... Дело совсем в ином. Бесспорно, ты очень добрый и хороший человек, ты мой давний друг... но понимаешь, Коля, ты пытаешься выйти на совсем иной уровень отношений. А для этого я должна относиться к тебе совсем по-иному. И не куксись, Докукин, хоть это тебе по фамилии положено – все прекрасно. Ты уж прости, Колечка, но я не могу принять твоего предложения. Все должно быть совсем по-другому.

Он обиженно отвернулся, и я не удержалась от смеха – настолько нелепо и трогательно выглядела его длинноносая очкастая физиономия.

– Нет... Женя... – пробормотал он. – То есть что... ты меня выгоняешь?

– Тебя выгоняю? Да ты что, Коля? – недоуменно отозвалась я. – Я тебя никуда не выгоняю. И не надо делать лица Гая Юлия Цезаря на последнем заседании сената: «И ты, Брут...» Лучше пойдем-ка завтракать... ты, наверное, пока не ел, если так рано поднялся?

– Не ел, – пробормотал он. – Только вот кактус откусил... показалось, что это яблоко.

Только тут я заметила, что губы Николая Николаевича в нескольких местах легко надколоты и чуть припухли.

– Чудо ты морское, – проговорила я и, схватив его за рукав, буквально поволокла в кухню.

...И еще – я не стала говорить ему, чтоб не обидеть еще больше, – но роз он мне подарил ровно двадцать штук. Как покойнику.

* * *

Немудрено, что эти воспоминания не более чем трехнедельной давности вызвали во мне неадекватную реакцию. Докукин в роли мужа – ничего нелепее и забавнее я и представить себе не могла!

Тетушка возилась в кухне, гремя посудой и – нехороший симптом – почти по-старчески бормоча что-то под нос, а я подумывала о том, что, наверное, неплохо принять предложение одного моего старого друга и отправиться ужинать в ресторан, как раздался продолжительный звонок в дверь. Словно звонивший упер палец в кнопку, и тут ему тотально переключило всю руку так, что он уже не смог перестать звонить.

– Женя, открой, у меня руки в тесте! – крикнула с кухни тетя Мила.

Я послушно прошла в прихожую и заглянула в глазок.

Прямо на меня выплыло смешно гримасничающее лицо Николая Докукина. Человека, о котором только что говорили и вокруг которого всплыло и сомкнулось столько забавных и – вполне можно так сказать – довольно-таки приятных воспоминаний.

Я улыбнулась и открыла дверь. И тут же поняла, что ничего смешного нет. Потому что гримасы, которые то и дело искажали подвижное лицо Коли, были гримасами обвального потрясения и страха.

Страх – с большой буквы...

Глава 2

Чертовщина в микрорайоне Заречный

Он ворвался в квартиру, не сказав ни слова. Да я и не требовала – выражение его лица ясно давало понять, что пришел он сюда не со смехотворными и, в сущности, забавными предложениями о женитьбе. Вошел – и сел на корточки возле самой двери, словно у него не оставалось сил разуться, снять куртку и пройти чуть дальше – в комнаты.

– Кто это там? – спросила с кухни тетушка.

– А-а... это ко мне.

– Хорошо, – откликнулась она и никаких вопросов больше не задавала.

Докукин наконец-то дотянулся до шнурков и начал вяло развязывать их. Вероятно, с таким же лицом он копал бы могилу для себя.

– Что случилось, Коля? Ты просто сам на себя не похож. Да проходи же, проходи.

Он вошел гораздо осторожнее и незаметнее, чем в прошлый раз. Не хрюстнуло кресло, не свалилась ваза, не взвыл натужно кот – Николай Докукин в полном несоответствии с собственными привычками тихо опустился на краешек дивана и безжизненно свесил голову. Уголки его губ подергивались, он то и дело поправлял очки на переносице и еле заметно раскачивался взад-вперед.

– Так, – коротко приказала я. – Рассказывай.

– А что рассказывать? – произнес он. – Что рассказывать? Я уже конченный человек. Это надо же так... никому и никогда не делал ничего плохого... никогда... а тут вдруг все сразу. Отовсюду... и вроде бы столько лет учился, не верю во всякую всячину... а тут вдруг вылезает – и на тебе – прямо хохочет в лицо... говорящие слоники.

Последнее словосочетание буквально сорвало меня с места – я ринулась за успокоительным. Судя по всему, Коля Докукин был на грани чудовищного нервного срыва.

А быть может – уже и за гранью.

Только после основательных медикаментозных мер он наконец обрел возможность изъясняться более-менее внятно и осмысленно. Конечно, я знала, что этот человек, по своей природе склонный к неврастении и ипохондрии, попросту любил понуть, – но на сей раз я готова была держать пари, что Николай пришел ко мне с чем-то серьезным, а не с продуктом больного воображения.

И он поделился этим – серьезным.

– Наверно, я уже довольно долго стоял под лавиной, – так образно начал он свой рассказ, – потому что не может быть, чтобы столько непонятного, чудовищного и губительного... какое-то нагромождение страха и лжи... и, быть может, правда еще страшнее. Одним словом... я, человек образованный, медик-аспирант... мы вообще не склонны к суевериям... но в наше время много такого, что невозможно было представить себе раньше. Одним словом... в нашем поселке Заречном прописался сам дьявол.

После такого категоричного заявления мне оставалось разве что покачать головой: как говорил сам Шерлок Холмс, «я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны».

– А все началось с того, что три дня назад арестовали моего научного руководителя профессора Клинского Сергея Сергеевича.

Вот это номер! Я видела профессора Клинского всего несколько раз – три или четыре, – и он произвел на меня очень выгодное впечатление уверенного в своих силах, основательного, умного, предупредительного и определенно положительного человека. Кроме того,

профессор Клинский обладал превосходным чувством юмора – чуть едким, быть может, несколько саркастичным, как это часто присуще медикам, но в основе своей доброжелательным и вполне необходимым.

И вообще – Сергей Сергеич был одним из самых обаятельных людей, с которыми мне только приходилось сталкиваться в своей жизни.

«И неимущим, и богатым
Мы в равной степени нужны», –
Сказал патологоанатом
И вытер скальпель о штаны, –

любил цитировать он иртеньевское четверостишие и при этом всегда хитро подмигивал.

И вдруг – арест!

– Говорят, он брал взятки и теперь уличен в получении особо крупной суммы, – продолжал Николай и несколько раз тоскливо шмыгнул своим длинейшим донкихотовским носом, – и теперь его посадили в КПЗ. Вот... и хотели арестовать меня, но на меня у них ничего нет... якобы я тоже брал какие-то там взятки. А зачем мне взятки, Женя, сама посуди... если я выиграл столько денег!

– Да-да, конечно, – поспешно подтвердила я, – дальше что?

– Но это еще ничего, – продолжал Николай. – На следующий день после его ареста в моем доме в Заречном кто-то рылся... Точно знаю, что я не так клал свои вещи. Конечно, сам часто не помню, куда что кладу, но не мог же я выпотрошить все подушки, а пух раскидать по всем комнатам?

Действительно, до такого Докукин еще не дошел. Хотя, на мой взгляд, поиски очков, завалившихся в погреб, немногим отличались от упомянутого Николаем подушечного погрома. Тогда Коля перевернул вверх дном все заготовки на зиму, после чего несколько дней отгружал из погреба осколки разбитых банок из-под помидоров и огурцов и неструганные деревянные доски сломанных полок.

– На следующий день я ехал из дома в институт, и мне в хвост пристроилась какая-то машина... темно-зеленая такая. Вели меня до самого института, а потом остановились и смотрят... и смотрят, и смотрят!

Докукин нервно дернул головой и пробормотал нечто похожее на «черт побери, блин». Ничего крепче подобных выражений он не употреблял, как это ни странно для нашего матерщинного и грубого времени. И особенно для медика, кои, как известно, никогда не отличались чрезмерной деликатностью.

– То есть ты хочешь сказать, что за тобой следят?

– Ну да! И еще...

– Что – еще? – поддавшись тону Николая, невольно понизив голос спросила я.

– И еще – мне кажется, что это какой-то... полтергейст, что ли.

Ну вот, приехали! Николай Николаевич Докукин, материалист до мозга костей, не веривший ни в черта, ни в бога, да и не заметивший бы их существования вследствие феноменальной рассеянности, вдруг с придыханием заговорил о паранормальных явлениях! Это, пожалуй, будет похлеще предложения руки и сердца.

– Но факты, – сказала я. – Какие у тебя основания... – Я хотела сказать «нести такую чушь», но запнулась и все-таки употребила обтекаемую форму: – Какие у тебя основания так утверждать?

– Потому что они приходили ко мне сегодня ночью, – хрипло сообщил Докукин.

– Кто – черти?

– Да... это были говорящие слоники.

* * *

Если бы я не знала Докукина много лет и не была уверена в том, что он просто не посмеет употреблять сильные наркотики, после которых можно увидеть не то что говорящих слоников, но и живых Минина и Пожарского (о чем мне недавно рассказывал один знакомый маргинал, балующийся галлюциногенами) – я бы подумала, что Коля просто «обдолбался» и теперь гонит пургу.

Но несомненно, это было не так. Хотя, чтобы гнать пургу, господину Докукину вовсе не обязательно было принимать различные психостимуляторы, седатики и галлюциногены.

– Так-так, – протянула я, пытаюсь сохранять невозмутимость. – Значит, говорящие слоники? Просто превосходно.

И тут он вспылел. Впервые за время нашего достаточно долгого знакомства я увидела, как может злиться Коля Докукин.

– Даже не делай вид, что ты пытаешься мне верить! – рявкнул он, на самом излете фразы сбившись на писклявый дискант. – Я же вижу, что ты... ведь ты думаешь, что я слетел с катушек... так, кажется, сейчас принято выражаться? Или – крыша поехала?

Привлеченная этим фейерверком красочных и разнообразных звуков, в комнату заглянула тетя Мила – и обомлела.

– Коля? – выдавила она. – Это ты так шумишь, господи боже мой?

Коля немедленно стушевался и снова уткнулся носом едва ли не в собственные колени. Но это, вероятно, была только видимость, потому что через мгновение Докукин довольно агрессивно пробурчал, даже скорее проскрежетал голосом с недовольными металлическими интонациями:

– Ну... я. А что?

– Тетя Мила, будьте так любезны, дайте нам с Николаем потолковать, – вмешалась я, увидев, что лицо моей родственницы, не привыкшей к таким наскокам, особенно со стороны кроткого и рассеянно-застенчивого племянника ее приятельницы, немного помрачнело.

Та осуждающе покачала головой и вышла из комнаты, сухо поджав губы.

– Значит, говорящие слоники, – подытожила я. – Ничего, Коля, рассказывай, я и не такое слышала, так что выкладывай – любой, даже самый болезненный бред может оказаться самой горькой правдой.

Докукин вздохнул.

– Это было примерно около полуночи, – начал он. – Я работал за компьютером, только дело не клеилось... глаза болели, голова что-то кружилась... радужные пятна какие-то плавали... думаю, ладно, пора спать. Хотел глянуть на часы... и тут меня такой страх охватил: вместо часов торчит чья-то черная башка с белыми глазами... без зрачков... и пасть ворочается ярко-красная... как будто в рот этой твари напихали угольев. Я заорал и попятился, а башка как каркнет... и превратилась в кукушку на часах. Ну, думаю, доработался... монитор-то у меня без защитного экрана. – Коля вздохнул, и, сняв очки, пальцами правой руки начал тереть глаза.

– «Поднимите мне веки – не вижу», – резюмировала я завязку докукинской сказки о нечисти. – И ты что, Коля, на самом деле доработался до такого состояния, что часы показали тебе какой-то адской тварью?

– Да не какой-то... – пробормотал он. – В том-то все и дело, что не какой-то. Это была голова собаки... огромной черной собаки.

– Хорошо, сэр Генри Баскервиль, – произнесла я, – вполне допускаю, что тебе с твоим воображением и впечатлительностью может привидеться что угодно, но, кажется, не это напугало тебя больше всего.

– Да нет... в том-то все и дело. Я выпил на ночь успокоительного... снотворного, и улегся. Тщательно заперся на все замки, проверил ставни, чтобы, не дай бог... – Его голос вдруг сорвался от глухого клокочущего ужаса, он склонился ко мне и вдруг быстро забормотал: – Это ведь не только со мной такое... соседка говорила, что по ее дому кто-то ходил и стонал... так страшно стонал, что ее придавило к кровати... всю ночь пролежала с закрытыми глазами в холодном поту, боясь шевельнуться. А еще подальше... через кладбище... умерла старуха. Ее нашли утром на пороге... лицо все перекошено от ужаса... в руке держит топор, и... и...

– Ну? – воскликнула я, невольно захваченная страстностью и пугающей убежденностью в истинности излагаемого, буквально пронизывающими его рассказ.

– ...и, по всей видимости, этим топором она хотела отрубить себе руку... потому что кость надломлена и несколько рубленых ран на предплечье. А люди, которые живут рядом с ней, говорили, что кто-то из них ночью вышел на подворье и увидел дом этой бабки... вокруг него плясали черные и зеленые змеи. Как языки костра.

– Не, ну это уж совсем оккультизм какой-то попер, Коля, – недоуменно проговорила я. – Зеленые змеи... зеленый змий. Этот, что вышел, как ты говоришь, на подворье, часом, не алкоголик? А то я слышала, на окраинах твоего Заводского района только и делают, что гонят самогон и сами же с ним усиленно борются.

Коля замотал головой.

– Милиция приезжала?

– Да приезжали... посмотрели, поспрашивали соседей, да и уехали – мол, несчастный случай, и все тут. Не мог ее никто убить. Сама она.

– А когда умерла эта старушка?

Докукин назвал число. Я кивнула, давая знать, что слушаю очень внимательно.

– Так вот, – собравшись с силами, продолжал он. – В ту ночь я никак не мог заснуть. Нельзя сказать, что совсем не спал, но только... плавал в какой-то полуреальности, ворочался с боку на бок, наконец задремал... но тут же проснулся от того, что почувствовал: кто-то на меня смотрит. Как током по жилам... ну, понимаешь. Я поднял голову – и тут все. Как камни на ноги и на руки сбросили. Двинуться не могу, руки свело, больно... а все равно. И стоят. Стоят... трое. Я их толком не разглядел, только видел хоботы и глаза... глаза огромные, словно... – Он поискал по комнате взглядом, будто пытался найти того, с кем можно сравнить огромные глаза его ночных посетителей, и наконец выдал: – Как розетки для варенья. Стекланые. Знаешь, на кого похожи... на инопланетян, ну, те фотографии, что публикуют в журналах. Такие же – лысые, головастые, глаза как локаторы... без бровей и ресниц вообще. И хоботы – точно как у слонов.

Один шагнул ко мне и что-то сказал... я не разобрал... просто какое-то нечленораздельное бульканье. Он повернулся к остальным и потом... потом протянул ко мне руку. И тут я вырубился. Вырубился, как будто меня шандарахнуло током в триста восемьдесят вольт. Последнее, что видел, – это белая вспышка, которая сорвалась с его пальцев и упала на меня.

Докукин договорил и, задыхаясь, умолк, лихорадочно сверкая на меня обычно тусклыми и маловыразительными, блеклыми глазенками.

– Так обычно начинается очередная серия «Секретных материалов», – произнесла я и, видя, как протестующе напрягся и дернулся было в мою сторону Николай, быстро добавила:

– Нет, я хочу тебе верить, но...

– Но пока не находишь для этого оснований, так? – договорил он с непривычной для него жесткостью.

– Быть может.

– Но это еще не все, – сказал он совершенно без выражения. – Рассказы о страшных аномальных явлениях и изрубивших себе руки старушках – это, конечно, занимательно. Но малоосвязаемо. Так вот, Женечка... я принес доказательство того, что меня действительно посещали ночью.

И Докукин бросил на журнальный столик сложенный вчетверо лист бумаги.

– Это я нашел утром... то есть когда проснулся... очень поздно, в час дня... и подумал, что пора бы ограничить общение с компьютером и лимитировать работу в лаборатории... а то слишком я перегружаю себя. Эта бумага лежала у ножки кровати...

Я не без трепета развернула лист и увидела обыкновенную компьютерную распечатку. Три строчки крупным шрифтом, гласившие: «Будьте сегодня в 18.00 возле ресторана „Джентльмен удачи“. Сядьте за дальний угловой столик. Настоятельно не рекомендуем пропускать эту встречу или обращаться в милицию. Не бойтесь».

– Вот это уже ближе к истине. А то, понимаешь, чертовщина всякая...

– Но эта бумага вовсе и не доказывает, что в нашем поселке не пахнет этой чертовщиной. С тех пор как половодье затопило кладбище, ночью на улицу осмеливаются выходить только отчаянные смельчаки... в основном алкаши, у которых кончился самогон.

– Погоди. Что ты там сказал о затопленном кладбище? Ты что, хочешь сказать, что это как-то связано с теми аномальными происшествиями в вашем микрорайоне?

– Все жители в этом уверены. А среди них, если хочешь знать, немало очень образованных и здравомыслящих людей... а не то, что ты там подумала: темные старушки с образованием в два класса церковно-приходской школы, синеморы, которые имя-то свое не всегда помнят, да шпана...

– Ага... опись гаешная халабудит, – согласилась я.

– Чего?

– Да это у Довлатова есть такой герой... Михал Иванович Сорокин. Это он так говорил о распоясавшейся молодежи: дескать, опись гаешная халабудит. Ладно. – Я взглянула на часы. – Времени тебе осталось уже не так много. Что думаешь делать?

Он поднял на меня искаженное мучительной нерешительностью и откровенным страхом лицо:

– Не знаю...

– Может, тебе просто не идти?

– Вот я и пришел к тебе, чтобы ты посоветовала... ты ж в этих делах человек опытный, так что... м-м-м... вот.

Я пожала плечами.

– Ну, даже не знаю... у меня, конечно, были на этот вечер совершенно иные планы, но... почему бы и не сходить в «Джентльмен удачи»?

– Женечка! – умоляюще проскулил он и посмотрел на меня взглядом, каким щенок смотрит на своего хозяина, когда тот раздумывает, наказывать ли ему нашкодившего питомца или же не стоит.

Я решительно поднялась:

– Ну что же... тогда подожди меня здесь, я пойду соберусь. Посмотрим, что там за чертовщина.

Докукин издал неопределенный горловой звук, вероятно, свидетельствующий о некотором облегчении, посетившем его скорбную душу. И начал натягивать на лысеющую – несмотря на молодость – здоровенную башку свой нелепый донкихотский шлем...

Глава 3

Похищение

Пока собиралась, я непрерывно думала о том, что рассказал мне Николай Докукин. Несмотря на его импульсивность, впечатлительность, рассеянность, противоречивость и явную склонность к ипохондрии и копанию в себе, он тем не менее всегда оставался трезвомыслящим человеком и никогда не увлекался эксцентричными веяниями в жанре оккультизма, мистицизма, магии и прочего большого и малого шарлатанства. И уж тем более Николай никогда не стал бы с таким ужасом рассказывать о совершенно непостижимых с точки зрения здравомыслия происшествиях.

И эта старушка с топором, рубящая собственные руки...

Я взяла трубку телефона и набрала рабочий номер моего старого знакомого – не самого последнего человека в структурах городского Управления внутренних дел. Представившись, запросила у него информацию по летальному исходу в поселке Заречном за такое-то число.

– Одну минуту, Евгения Максимовна, – проговорил он. – Одну минуту...

Ждать пришлось, скажем, не минуту, а несколько больше. Но предоставленная информация была исчерпывающей. Жительница поселка Заречный, Заводской район, Мария Алексеевна Житинкина, 1923 года рождения. Найдена мертвой в собственном доме. На предплечье левой руки обнаружено несколько глубоких рубленых ран. Кость сломана. Экспертизой установлена смерть от обширного инфаркта. Подробнейшее перечисление итогов патологоанатомической экспертизы я почти что пропустила мимо ушей, потому что перечень бесчисленных заболеваний старушки не играл особой роли.

Главное, что она не страдала сенильными психическими расстройствами – маразмом, старческими психозами и так далее. Что в сочетании с фактом нанесения самой себе множественных травм выглядит довольно подозрительно.

Об этом я и спросила у своего информатора.

– Ты знаешь, Женя, – перешел он на неофициальный тон, – лично я полагаю, что даже если сводить подобные случаи к факту насильственной смерти – это все равно чистый «глухарь». Нераскрываемое дело. Этот поселок Заречный – край географии, и живут там в большинстве случаев такие милые люди, что их показаниям грош цена.

Я поблагодарила его и положила трубку.

Часть рассказа Коли Докукина оказалась истинной правдой. Если опускать подробности касательно танцев черных и зеленых змей...

В тот момент, когда я уже выходила из комнаты, зазвонил телефон. Я поморщилась и подумала, что это, вероятно, тот самый назойливый знакомец, который так настойчиво приглашал меня в ресторан, но трубку все-таки сняла.

– Добрый вечер, могу я слышать Женю Охотникову? – прозвучал веселый молодой мужской голос.

– Можете, – хмуро ответила. – Женя – это я. Слушаю вас.

– Как, Женька, ты все еще жива?

Этот вопрос застал меня врасплох – не вследствие своей вопиющей бестактности и фонтанирующего жизнерадостного юмора, который лучился в каждом слове этой фразы. По другой причине. Просто потому, что подобные слова могли исходить из уст только одного человека на земле – моего старого, можно сказать, боевого товарища Кости Курилова.

Правда, старым товарищем его можно было считать только потому, что каждый год, проведенный если не бок о бок, то по крайней мере в одном городе с Костей, можно было считать за десять.

Боевое же наше товарищество действительно закрепилось в боях. Правда, преимущественно между собой.

Большую часть своей жизни он проводил в разъездах. В его крови бурлил так называемый «синдром бродячей жизни». Во многом это объяснялось тем примечательным обстоятельством, что человек по фамилии Курилов все еще находился в федеральном розыске за ряд дерзких краж со взломом, совершенных в период с тысяча девятьсот девяносто седьмого по текущий двухтысячный год.

И взламывал он не какие-нибудь сторожки и платяные шкафы, а новейшие швейцарские сейфы с высочайшей степенью защиты и пожизненной гарантией. Брал оттуда Костя не тривиальные пачки с баксами (хотя и этим, само собой разумеется, не брезговал), а секретнейшую документацию по заказу крупных финансовых группировок, а по отдельным данным – и спецслужб.

Именно поэтому, как утверждали иные злые языки, номинально находящийся в усиленном розыске человек преспокойно расхаживал по улицам любого российского города и проживал в гостиницах. Конечно, по фальшивому паспорту, впрочем, сработанному так, что выглядел он лучше иного настоящего документа.

Сам Курилов любил определять вектор своей жизнедеятельности следующим образом: его лицо приобретало значительно-загадочное выражение, по губам скользила легкая снисходительная усмешка, и он произносил драматическим голосом:

– Я специализируюсь по секретам. Как говорится, информация нужна всем: кто владеет информацией, тот владеет миром.

...И то, что он позвонил мне, свидетельствовало: он в кои-то веки вернулся в наш город и теперь определенно желал увидеться со мной.

– Ну, Костя, – выдохнула я. – Ну ты артист. Как всегда, попадаешь в самый удачный момент. У меня сегодня просто вечер встреч. Сначала один, потом другой.

– Это кто еще – другой? – не замедлил с наигранной свирепой ревностью наершиться Курилов. – Молилась ли ты на кер, Дездемона?

– Константин Сергеевич, вы, как обычно, в своем репертуаре, – строго произнесла я. – Кер, знаете ли, не распятие, чтобы на него молиться. Извините, но в данный момент у меня нет времени для вас. В общем, так: оставь мне телефон гостиницы или квартиры, в которой ты остановился... я тебе перезвоню в течение ближайшего времени.

– У меня сотовый, – сообщил он. – Валяй записывай.

– Да так запомню...

* * *

Ресторан «Джентльмен удачи» располагался в самом центре города возле живописного городского парка, обнесенного старинной фигурной оградой из бронзы, с фигурными же латунными наконечниками.

Мы подъехали к ресторану без пяти шесть. Было еще очень светло, но на входе в «Джентльмен удачи» уже зажгли мощные фонари и неоновые надписи, выполненные вычурным готическим шрифтом. Я сама сидела за рулем доукинского «Хендэя», потому что у самого горе-автовладельца так тряслись руки, что заставлять его управлять машиной было фактически равносильно самоубийству.

А я не страдаю суицидальным синдромом.

Несмотря на довольно ранний час, зал ресторана уже заполнился почти наполовину. Дальний угловой столик был свободен, отметила я.

Докукин направился к нему, цепляясь за все, за что только было возможно, едва не опрокинул стол каких-то быкообразных молодых людей с двумя девушками и, чувствуя на себе их нелюбезные взгляды, неловко, бочком присел за указанный в записке столик.

Не дожидаясь, пока ко мне подойдет официант с меню, я сама подошла к стойке бара и заказала себе немного мартини.

Бармен невозмутимо налил мне полбокала и пристально взглянул, как я поднесла заказанный напиток к губам.

И в этот момент маленькие, вероятно, раритетные часы с кукушкой, висевшие над входом в служебные помещения ресторана, пробили шесть часов вечера.

Я машинально обернулась к дверям и увидела, как в зал входит невысокий мужчина лет около сорока, в короткой куртке и простых черных джинсах. Он на мгновение задержался у гардеробной и, не снимая верхней одежды, прошел мимо стойки бара, где сидела я, спокойно направляясь к докукинскому столику.

Я закурила сигарету (вернее, сигариллу – маленькую сигарку) ароматизированного «Captain Black» и повернулась к бармену.

– Будьте так любезны, еще столько же мартини, пожалуйста.

* * *

– Добрый вечер, – произнес мужчина в короткой куртке, бесшумно присаживаясь рядом с испуганно тарасившимся на него Докукиным. – Николай Николаевич?

– Д-да, – выдавил тот.

– Я от вашего научного руководителя, Сергея Сергеевича Клинского. К большому сожалению, в связи с известными вам событиями Сергей Сергеевич не сумел встретиться с вами лично, поэтому он попросил меня договориться с вами о встрече, чтобы решить один небольшой вопрос.

Человек говорил очень вежливо, приятным, хорошо поставленным глубоким голосом бархатного тембра, делал артистические паузы, подчеркивая ключевые слова в своей речи. Все это, вместо того, чтобы успокоить Докукина, еще больше напугало его. Он вцепился в принесенный ему минутой ранее кофе эспрессо и едва сдерживал предательскую мелкую дрожь, пронизывающую все тело.

Неизвестный смотрел на него с доброжелательным любопытством – примерно так, как орнитолог смотрит на редчайший экземпляр бабочки.

– Так это вы... заходили... ко мне ночью? – наконец выдавил Докукин.

– Дело в том, что это был единственный способ связаться с вами. Телефона у вас нет, на работе вас не выловить, машину вы водите столь виртуозно, что наш шофер трижды едва не угодил в аварию. – В его голосе прозвучала неуловимая издевка, как если бы он дополнил свои слова: «аварию, спровоцированную вами, Николай Николаевич».

Впрочем, хватило и одного «виртуозного вождения».

– Я приношу вам свои извинения за то, что мы вошли в ваш дом и оставили там записку. Нам нужно было гарантировать то, что наша записка дойдет до вас.

На лице Докукина высветилось так тщательно сдерживаемое им скомканное смятение.

– Но... как же вы вошли? – спросил он. – Ведь я запер все двери.

На невозмутимом лице неизвестного появилась легкая улыбка.

– По-моему, кто-то из нас стал жертвой нелепого заблуждения, – произнес он. – Дело в том, что ваша дверь не то чтобы была закрыта, она была распахнута настежь. Правда, в ней торчал ключ, повернутый на два оборота, так, как если бы дверь заперли. Но уверяю вас, Николай Николаевич, она была открыта. Разве мы стали бы ломиться в запертую дверь среди ночи?

– Да? – пролепетал Докукин. – Значит... эти говорящие сло... слоны были не вы?
– Простите?

– Да нет, ничего, – отмахнулся Коля. – Я заговариваюсь. Просто в последнее время в моей жизни столько разных, совершенно непонятно откуда взявшихся неприятностей... разных проблем, знаете ли, что иногда мне кажется... что вот так... ум за разум...

Под пристальным доброжелательным взглядом незнакомца Докукин путался все больше и больше, пока наконец совсем не умолк.

– Ну хорошо, – ровным голосом заговорил тот. – Будем считать, что инцидент исперчен, как говорил Маяковский. Теперь к делу. Меня зовут Леонид, и я, как вы уже слышали, от профессора Клинского. Он просил вас дать мне доступ в лабораторию вашего института.

– Лабораторию? – растерянно произнес Докукин. – Какую еще лабораторию?

– Вашу, в которой вы работаете, Николай Николаевич. Сергей Сергеевич очень просил вас сделать это, потому что в лаборатории остались важные доказательства того, что он не виновен в том, что ему инкриминируют.

В этот момент, как ни был напуган Докукин, он с просыпающимся раздражением подумал, что из него делают дурачка. Что это еще такое – «дать доступ в лабораторию», где якобы остались важные доказательства?

– Я не понимаю, – проговорил он. – Если вам нужно, вы можете прийти и найти эти важные доказательства.

– Вы меня не поняли, – мягко, но с нажимом прервал его Леонид. – Вы меня не поняли. Я говорю не о самой лаборатории, а о спецхране, который существует при ней.

Тут Докукин понял. Понял и захлопал глазами.

– Вы говорите о комнате, где хранятся медикаменты и фармацевтические реактивы? Или, быть может... я что-то не так понял?

– Вы совершенно правильно все поняли, – сказал тот. – Именно это и велел передать вам профессор. Как вам должно быть ясно, сам он не может сделать это и поэтому просил передать вам, что...

– Но это невозможно, – с отчаянно ухающим в груди сердцем пробормотал Коля. – Совершенно невозможно, уверяю вас... Даже если бы я захотел провести вас туда, то все равно это не удалось бы... там охрана, и вообще...

– А вот это вас совершенно не касается, – неожиданно сменив тон, проговорил Леонид. – Тем более что в любом случае вы сейчас едете с нами.

– Ку... куда?

– Дело в том, что вы слишком переутомились от той работы, которой так неблагоприятно себя загружаете ежедневно и ежевечерне, если не сказать – еженощно. Так что я рекомендовал бы вам отдохнуть, как говорится, душой и телом. Поедем в бассейн, сауну, выпьем, хорошо поедим, поговорим, пообщаемся с красивыми женщинами. Разве плохо?

– Но...

– Вы знаете, Николай Николаевич, в вашем случае никакие «но» и прочие малосущественные речевые элементы мною не рассматриваются. Так что мы едем в любом случае. Прощу вас.

И Леонид встал и сделал галантный жест рукой в направлении выхода из ресторана.

– Но, Леонид, вы не понимаете, что...

И тут мужчина в короткой куртке поднял на Докукина светло-синие глаза, и Коля, похолодев, увидел, что в них нет совершенно ничего человеческого – только беспощадная, сгибающая, вызывающая слепое и безотчетное желание убежать, укрыться от этого пронизывающего взгляда воля. Жуткая, несгибаемая, непреодолимая.

Вероятно, таким взглядом шаман вуду зомбирует свою жертву, а змея гипнотизирует птичку, случайно залетевшую в зону досягаемости страшного пресмыкающегося.

Докукин медленно поднялся и, чувствуя в позвоночнике холодный, словно выкованный из цельного куска нетающего льда кол, направился к выходу, механически переставляя одеревеневшие ноги и ощущая, как упруго давит в спину ровный – беспощадный – небесно-синий взгляд Леонида...

Быть может, это никакой не Леонид, мелькнуло в мозгу доселе чуждого мистике и оккультизму Коли.

Быть может, это никакой не Леонид...

* * *

Я ничего не могла поделать.

Я видела, как двое молодых людей, столик которых Докукин едва не опрокинул несколько минут назад, встали и, оставив своих спутниц на попечение третьего, последовали за Колей и его провожатым. Леонидом, так, кажется, он назвал себя.

...Надеюсь, что у Коли неостанет его жакпаганелевских талантов, чтобы каким-нибудь неловким вывертом демонтировать мини-микрофон, прикрепленный к его одежде или – еще хлеще – выдать его наличие своим похитителям.

Конечно, я могла попытаться отбить Докукина, но неизвестно, что бы из этого вышло. Вон как смотрит бармен – быть может, он тоже из этой компании. Не зря же они назначили встречу именно здесь, в «Джентльмене удачи».

И еще – нутром, всей своей интуицией, развитой за многие годы работы сначала в спецслужбах, а потом бодигардом и частным детективом, – я чувствовала, что вокруг Коли затевается большая игра.

Ничтожный эпицентр больших событий.

Впрочем, так ли ничтожен этот эпицентр – Николай Николаевич Докукин, мой несостоявшийся муж?

* * *

Теперь я жалела, что взяла не свой «Фольксваген», а новоприобретенный Колин «Хендэй» – не потому, что не хотела светиться за рулем докукинского авто (хотя и это тоже), а больше по той причине, что на своей привычной машине могла вытворять все, что угодно.

А вот Коля, по всей видимости, приобрел иномарку не первой свежести и не в полной исправности. Насколько я могла понять, немного барахлил движок и совсем по – «жигулевски» стучал карбюратор.

Поэтому едва не потеряла джип, в который бравые хлопцы загрузили многострадального Николая Николаича.

Через несколько минут я поняла, куда везли Докукина похитители: по всей видимости, конечным пунктом поездки должен стать старинный особняк на улице Вавилова, не так давно прикупленный частной фирмой и превращенный в оздоровительный комплекс «Святогор» с сауной, бассейном, массажным кабинетом, тренажерным залом и тому подобными элементами здоровой жизни.

Само собой, что от старой планировки не осталось и следа – новые хозяева перекроили все на свой лад.

Мне приходилось раз или два бывать в этом комплексе. Надо сказать, что цены тут были довольно высокие, но игра стоила свеч – сервис был по высшему классу.

Для особо продвинутых посетителей существовали кегельбан, роскошный тир, бильярдная и даже бар – хотя последний мало вписывался в стереотип здоровой жизни.

Сейчас комплекс «Святогор» не работал – он был закрыт на какие-то там ремонтные работы.

Я оказалась права: джип в самом деле остановился у спорткомплекса. Из машины вышли все трое парней, среди рослых атлетических фигур которых щуплый и низкорослый Коля откровенно затерялся.

Я остановила «Хендэй» на разумном отдалении от «Святогора» и, выйдя из машины, медленной фланирующей походочкой прогуливающейся праздной женщины пошла по противоположной стороне улицы.

Тем временем похитители Докукина уже исчезли в дверях спорткомплекса. Мне оставалось надеяться только на какие-нибудь экстремальные обстоятельства...

И они не замедлили угодливо подвернуться под руку...

Глава 4

Кое-что о вреде беспорядочной половой жизни

Докукин был так испуган, что для храбрости хватил не в меру много предложенного ему джина «Gordons», даже не разбавив его тоником, как традиционно практикуется при употреблении этого напитка. И теперь он быстро опьянел и лишь оцепенело таращился на своих смеющихся похитителей, которых определенно забавляло нелепое ошеломление, что так явно и позорно, а в сущности, комично сквозило в поведении Докукина... и еще то, как по-жабьи пучились его выпуклые водянистые глаза.

Даже невозмутимый Леонид распустил строгие губы в сдержанной улыбке.

– Ну что, Николай Николаевич, – произнес он. – Я полагаю, что в вашем институте к женщинам относятся положительно?

– Особенно к мертвым! – влез Спиридон, который успел допить до состояния не многим более трезвого, чем Докукин. – Как-то я зашел в ихний трупняк... типа морг, и там видел какого-то козла в белом халате, который разложил жратву прямо на трупе какой-то телки и жрал, аж за ушами трещало. И спиртягу жлекал. Неразбавленную.

– Так, прикрой бубен, – посоветовал ему Леонид. А сидящий рядом и непрерывно жующий угрюмый рослый брюнет по прозвищу Остап молча кивнул головой, вероятно, соглашаясь со словами Леонида.

Спиридон вынул из стоящего рядом холодильника бутылку пива и, открыв ее прямо зубами, что-то нечленораздельно пробурчал, из чего можно было вычленить только пару-тройку слов, а именно: «телки», «подогнать» и «отстой».

По всей видимости, он выражал недовольство в связи с отсутствием женского общества.

Леонид посмотрел на своего подручного и, протянув руку, взял со стола мобильный телефон, затерявшийся между многочисленными тарелками, блюдами и вазами с разнообразной снедью – от канонической заливной рыбы и целиком запеченного поросенка с хреном до фруктов и шоколада.

– Але, – произнес он. – Это говорит Ольховик. Нужно пару-тройку девчонок подогнать. Двоих? Ну, давай двоих. Лады, жду.

– В «Анжелику» звонил? – подмигнул повеселевший Спиридон. – Так-то оно лучше, а то, понимаешь, смотри тут на эту рыбку харю...

Докукин, которого и разумели под туманным, но явно оскорбительным определением «рыбья харя», все так же сидел и таращился осоловевшими глазами. Потом взял яблоко и откусил с таким хрустом, что все посмотрели на него, а едва не выронивший из рук бутылку Спиридон витиевато выматерился...

* * *

Разговор о вызове девочек в спорткомплекс «Святогор» я слышала так же ясно, как если бы сидела вместе с этими милыми ребятами из команды господина Леонида Ольховика, или как там его фамилия.

И тут мне пришла в голову совершенно замечательная, а главное – своевременная идея, которая обещала разрешить все мои проблемы с попаданием в здание спорткомплекса. Но для реализации этой идеи требовался напарник, причем надежный и испытанный, а вот его-то как раз у меня и не было.

Хотя постойте-ка, многоуважаемая Евгения Максимовна... это как это – не было? А на что вам знакомство с неким Куриловым Константином Сергеевичем, так счастливо прибывшим сегодня в город и, кажется, испытывавшим желание с вами пообщаться?

Я не колебалась. Набрала номер сотовика Курилова и почти немедленно услышала в трубке его невозмутимо ломающий комедию голос:

– Исполняющий обязанности президента Владимир Путин слушает.

– Очень хорошо. Костя, ты мне срочно нужен.

Когда Курилов чувствовал серьезность обстановки, он мгновенно сбрасывал маску паяца и становился тем самым человеком, которого в криминальной среде вполне заслуженно прозвали Мангустом – гибким, стремительным, неуловимым зверем, охотящимся даже на кобр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.